

ОБ «ЕЛШАНСКИХ» КОМПЛЕКСАХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АРЕАЛА ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Работа посвящена обзору археологических источников, содержащих материалы, по ряду признаков находящих аналогии в елшанской культуре. Эта культура в свете современных данных стоит в ряду древнейших неолитических культур Европы. Рассматривая вопрос о правомерности включения материалов Правобережной Волги, Примокшанья, бассейна р. Оки, Среднего Дона в круг елшанских древностей, автор пытается объяснить причину сходства неолитических комплексов порой весьма отдаленных территорий в свете современных концепций процесса неолитизации европейских пространств.

До сравнительно недавнего времени ареал елшанской культуры помещался исследователями в пределах современного лесостепного Волго-Уральского междуречья. Таким образом, елшанская культура располагалась на сравнительно небольшой территории юга лесостепного Поволжья и Приуралья. Вместе с тем в последнее время появилось значительное количество работ, в которых описываются коллекции памятников порой весьма отдаленных регионов, по ряду признаков сходные с елшанскими. Авторы этих работ либо используют последние в качестве аналогов для культурно-хронологической интерпретации собственных коллекций, либо прямо причисляют свои материалы к елшанской культуре. Речь идет о части неолитических материалов со стоянок Правобережной Волги, Примокшанья, бассейна р. Оки, Среднего Дона и др. Таким образом, если верны предлагаемые интерпретационные схемы, территориальный охват елшанской культуры, или, по меньшей мере, область ее влияния должны быть значительно расширены.

Тенденцию эту видит не только автор этих строк. У А. А. Ластовского «расползание» елшанской культуры вызывает иронию: «...Мы недалеко от того, чтобы сомкнуть границы елшанской культуры с культурой эртебелле» (Ластовский, 2006, с. 109). Другие исследователи предполагают на территории восточноевропейской лесостепи наличие некоего «елшаноидного» культурного пласта, связанного с самыми ранними фазами неолитизации¹. Так или иначе, сложившаяся ситуация порождает ряд вопросов, нуждающихся в разрешении.

Одна из основных проблем связана с тем, насколько сходны комплексы елшанской культуры и материалы других территорий, для которых они привлекаются в качестве аналога. От ответа на него зависят и ответы на другие вопросы. Существовала ли в раннем неолите в том или ином виде связь между обозначенными регионами или сходные черты в керамическом инвентаре формировались независимо друг от друга? Если существовала, то какой характер она имела? В конечном итоге речь во многом идет о неолитизации восточноевропейских пространств, поскольку елшанская керамическая традиция в настоящий момент признается одной из древнейших.

Для решения поставленной задачи необходимо последовательно рассмотреть материалы территорий, не совпадающих с традиционно определяемым ареалом елшанской культуры, и постараться выяснить, насколько правомерны приводимые авторами публикаций сопоставления. В Правобережье р. Волги к таким материалам относятся комплексы стоянок Луговое III, Лебяжье I и Усть-Ташёлка. В Примокшанье это коллекции стоянок Имерка VII, Ковышай I, Озименки II, Вадовские Селища, в бассейне р. Ока — Городок I, Старое Щербинино XV и V, в Среднем Подонье (Прихоперье) — Плаутино I.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-10-26105а/В.

¹ Подобную мысль изложил, например, С. Н. Гапочка в ходе общей дискуссии на конференции, посвященной 30-летию археологической лаборатории Воронежского государственного педагогического университета, проходившей в г. Воронеже в 2007 г.

Если вести речь об ульяновских памятниках, то, по единодушному мнению заинтересованных исследователей, эти материалы, безусловно, должны быть включены в состав елшанской культуры. Наиболее информативным в Ульяновском Поволжье на сегодняшний момент является памятник Усть-Ташёлка. Керамический инвентарь стоянки представлен сосудами, поверхности которых хорошо выровнены, а внешние — залощены до блеска. Толщина стенок не превышает 0,7—0,8 см. Формы днищ — плосковогнутые без закраин, хотя автор раскопок не исключает и наличия остродонных форм. Профилировка венчиков S-видная, либо сосуды имеют прямостенные приоткрытые пропорции. Орнамент либо отсутствует, либо представлен несложными композициями разреженных (иногда точечных) наколов в сочетании с прочерченными линиями. Имеется сосуд, украшенный горизонтальным двойным зигзагом из точечных наколов. Весьма важно наличие сосуда с двойным рядом «жемчужин» — негативов от ямок, выдавленных изнутри. Дополняют картину орнаментированные насечками срезы венчиков и сквозные сверленные отверстия в стенках (Вискалин, 2003, с. 37—38). Таким образом, мы видим практически полный набор значимых признаков елшанской керамики.

Вместе с тем имеются и существенные отличия. При орнаментации раннеолитической керамики Ульяновского Поволжья использовался подквадратный накол, никогда не применявшийся на елшанской керамике. На стоянке Луговое III имеются сосуды, венчики которых украшены горизонтальными рядами ямок такой же формы. Кроме того, эту керамику отличает от елшанской преобладание плоских и плосковогнутых днищ. В Самарском Заволжье плоскодонная посуда тоже имеется, но в гораздо меньшем количестве. В формовочной массе ранней керамики ульяновских памятников исследователи отмечают присутствие значительного количества охристых шаровидных включений. Зерна бурого оолитового железняка И. В. Васильева отмечает и в заволжской керамике (История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000, с. 149), но здесь они присутствуют в меньшем процентном соотношении и не оказывают существенного влияния на цвет и фактуру черепков, в то время как посуда ульяновских стоянок благодаря присутствию этих охристых примесей приобретает характерный рыжевато-«пестрый» цвет. Елшанская же керамика из Заволжья серая или желтовато-серая.

Таким образом, в керамическом инвентаре двух регионов мы видим совпадение ведущих признаков, что, учитывая территориальное единство (юг лесостепного Поволжья), может быть основанием для объединения этих материалов в одну археологическую культуру. Подтверждением тому может в какой-то мере служить и кремневый инвентарь (Вискалин, 2003, с. 44—49) пластинчато-отщепового облика, в котором присутствуют деревообрабатывающие орудия, скребки на отщепе, пластинчатые наконечники и другие категории изделий, встречающиеся на заволжских раннеолитических стоянках. Но преобладание в коллекции Усть-Ташёлки сильно сработанных торцовых и призматических нуклеусов и высокий процент ножевидных пластин сближает эту индустрию в первую очередь с индустрией более поздних памятников неолита лесостепного Поволжья. Своеобразной чертой можно считать также наличие в коллекции памятника трапеций и пластин с боковыми выемками.

Указанные различия в керамическом и кремневом инвентаре можно объяснить либо локальными особенностями двух групп материалов, либо их различной хронологической позицией. В пользу последнего предположения говорят результаты радиоуглеродных датировок заволжских елшанских памятников (от середины VII до рубежа VII—VI тыс. до н.э.) и правобережного комплекса Усть-Ташёлки (1 половина VI тыс. до н.э.) (Ковалюх, Скрипкин, с. 125). Если эти даты верны, то известные к сегодняшнему дню раннеолитические материалы Правобережной Волги занимают, по отношению к заволжским, более позднюю хронологическую позицию и, возможно, отражают некий этап в развитии елшанской культуры.

Следующая группа материалов, являющаяся предметом нашего рассмотрения, происходит из бассейна р. Мокши. В. В. Ставицкий, сопоставляя материалы елшанской культуры и раннеолитические комплексы стоянок Имерка VII, Ковыляй и Вадовские Селища,

вел речь лишь о некоторых параллелях в отдельных признаках керамики, таких, как профилировка венчиков, разреженная орнаментация стенок, наличие просверленных после обжига отверстий. Одновременно исследователь отмечал существенные различия в керамическом инвентаре (отсутствие прочерченного орнамента, ямочных поясков под венчиками, различие примесей в глиняном тесте, отсутствие сходных орнаментальных композиций) (Ставицкий, 1999, с. 42). Эти отличия действительно имеют место. Например, орнамент, состоящий из чередующихся зон горизонтальных и наклонных двойных рядов наколов, характерный для примокшанских стоянок, совсем не встречается на елшанской керамике. Весьма примечательным является почти полное отсутствие на посуде этих памятников ямочного пояска под срезом венчика. Показателен факт наличия на Ковыляйской стоянке сосудов, украшенных мелким гребенчатым штампом. Эти и другие отличия представляются существенными настолько, что однозначно говорить об однокультурности упомянутых комплексов и раннеолитических Волго-Уральских в данный момент представляется затруднительным.

Исключением, видимо, может считаться памятник Озименки II, из керамического массива которого типологически была вычленена керамика, тяготеющая к основанию культурного слоя и в основном удовлетворяющая критериям керамики елшанского типа (Выборнов, Королев, Ставицкий, 2006, с. 113—1140). Посуда относительно тонкостенна, цвет черепков серо-желтый, поверхности тщательно заглажены, внешние — почти до лощения. Профилировка верхних частей S-видная. По меньшей мере, на двух сосудах имеется ямочный поясок в привенчиковой части при отсутствии другого орнамента, а на одном прочерками нанесена косая решетка. Лишь один сосуд, украшенный рядами вдавлений, оконтуренных прочерками, несколько выпадает из выделенной серии. По мнению авторов, наличие этой композиции «...предполагает не самый архаичный возраст этой посуды» (Выборнов, Королев, Ставицкий, 2006, с. 114). О том же, вроде бы, говорит и полученная по образцу керамики радиоуглеродная дата — 6950 ± 170 ВР, но, учитывая смешанный характер памятника и то, что это единственная дата для памятника, к данному определению, видимо, нужно относиться с известной долей осторожности. К сожалению, в публикации, посвященной этому материалу, представлена только керамическая часть коллекции. Возможно, кремневый инвентарь мог бы в какой-то мере помочь уточнить хронологическую позицию этой группы.

Следующий комплекс, находящийся за пределами ареала елшанской культуры, но обнаруживающий некоторые черты сходства с материалами последней, изучен в Прихоперье. Речь идет о стоянке Плаутино I, часть типологически выделяемых материалов которой А. В. Сурков безоговорочно относит к елшанской культуре (Сурков, 2004, с. 37—38). Не отрицая некоторого сходства описанного А. В. Сурковым керамического инвентаря с елшанским, вместе с тем отметим, что, наряду с чертами сходства (тщательная обработка поверхностей, разреженная орнаментация, либо отсутствие таковой), имеются и серьезные отличия, прежде всего, в орнаментации. Данная керамика, если она орнаментирована, украшена разреженными треугольными или подквадратными наколами, иногда спаренными, которые выстроены в горизонтальные ряды. Подобные орнаментальные приемы для елшанской керамики не характерны. Составить более или менее полное представление о форме сосудов затруднительно по причине фрагментарности материала и отсутствию днищ. Верхние же части либо слабопрофилированные, либо прямые, но при этом имеется сосуд с утолщением в верхней части венчика. Упомянем также, что большая часть каменного инвентаря стоянки изготовлена из кварцита (сливного песчаника?) — сырья, из которого в лесостепном Поволжье в неолите не было изготовлено ни одного каменного орудия. Изделия из этого сырья появляются в регионе лишь в энеолитическую эпоху. Несомненно, наличие данного комплекса в Подонье вызывает повышенный интерес, но напрямую идентифицировать его с елшанскими древностями представляется по меньшей мере преждевременным.

Список подобных памятников можно расширить. Сравнительно недавно в Рязанской области был раскопан и опубликован неолитический памятник Городок I на р. Ранова, притоке р. Оки. Авторы раскопок выделили из общего числа артефактов небольшую (шесть сосудов) группу керамики, которая, на их взгляд, проявляет технико-типологическое сходство с материалами елшанского культурно-типологического пласта (Выборнов, Королев, Ставицкий, Челябинов, 2004, с. 163). Основанием для такого вывода послужила тонкостенность этой керамики, отсутствие орнамента, наличие конических и округлых днищ, а также результаты технико-типологического анализа, проведенного И. Н. Васильевой, согласно которым данная керамика технологически близка елшанской. При этом авторы подчеркивают, что «...эта посуда отнюдь не является полной копией керамики елшанской культуры». И действительно, набор перечисленных признаков, видимо, позволяет говорить лишь о самых общих параллелях, которые могут толковаться самым различным способом вплоть до стадияльного сходства конвергентно развивающихся и никак не связанных друг с другом традиций. Рассматривая эту группу керамики Городка I, нельзя забывать, что она обнаружена в жилищных котлованах, а значит, рассмотрение ее вне этого контекста методически может быть не совсем оправдано. Нет ни твердых стратиграфических, ни планиграфических данных для отчленения этой керамики от основного комплекса жилищ, в котором для нее можно с достаточным основанием найти убедительные параллели. Это, впрочем, отмечают и сами авторы (Выборнов, Королев, Ставицкий, Челябинов, 2004, с. 164).

Еще одна группа материалов, которые автор сопоставляет, в том числе и с елшанскими, изучена в низовьях р. Оки на стоянках Старое Щербинино XV и Новое Щербинино V. Как и в предыдущем случае, автор в силу объективных причин не проводит прямых аналогий с материалами других территорий, используя их лишь для гипотетического обоснования хронологической позиции своей коллекции – ранний неолит. Более того, подчеркивая своеобразие данного комплекса, он предлагает рассматривать его в рамках особого — щербининского, типа. Вместе с тем, характеризуя керамику памятника, автор указывает на тщательную, иногда до лощения обработку внешних поверхностей сосудов, относительную тонкостенность (0,5—0,9 см), слабую, близкую к S-видной, профилировку венчиков, ряды сквозных отверстий в верхней части венчиков и сверленные отверстия в стенках. Показательно наличие плоских и округлых днищ и отсутствие орнамента (Гонозов, 2004, с. 49—70). В итоге налицо ряд существенных признаков, позволяющих автору проводить осязаемые параллели с ранне-неолитическими материалами территорий, расположенных к юго-востоку от данного региона.

Подводя итог, можно констатировать, что рассмотренные материалы, с одной стороны, имеют существенные различия, в большинстве случаев не позволяющие объявить их однокультурными, а с другой, несомненно, обладают вполне определенными общими чертами. Вернемся к основному вопросу: формируются ли эти общие черты конвергентно и являются результатом неких стадияльных закономерностей развития раннего керамического производства, или они сформировались в результате взаимодействия древних коллективов и отражают процесс распространения культурных традиций и технологических навыков?

Видимо, на современном уровне исследований однозначного ответа на этот вопрос мы не получим. Вместе с тем существует теоретическая модель, в контексте которой широтное расположение рассмотренных памятников и вероятное убывание их возраста по мере продвижения в западном (северо-западном) направлении может быть рационально объяснено. Согласно этой модели, неолитизация европейских пространств была «...сложным и многофакторным процессом, включающим различные варианты миграций и культурных диффузий». Среди, по меньшей мере, четырех пространственных трендов П. М. Долуханов формулирует тренд восток-запад в пределах лесостепей Евразии, связанный с распространением керамического производства (Долуханов, 2003, с. 204). На недавно прошедшей конференции «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях» этот тезис был существенно конкретизирован и подкреплен данными математического моделирования. Проведенный анализ позволил авторам выдвинуть гипотезу о двух центрах распространения неолита. Один

из них располагался на Ближнем Востоке, другой, по мнению исследователей, локализовался на востоке Европы. При этом ближневосточный импульс неолитизации начался значительно позже восточноевропейского. На основе анализа совокупности данных абсолютного датирования начало ближневосточного импульса оценивается приблизительно в 6700 л.н., в то время как распространение неолита с восточной окраины Европы началось около 8200 л.н. Весьма важно, что исследователи связывают восточноевропейскую волну неолитизации с так называемым «восточным» или «лесным» вариантом неолита, не связанным с производящим хозяйством (Шукуров, Дэвисон, Сарсон, Долуханов, Зайцева, с. 182).

Возможно, «шлейф» стоянок раннего неолита, обнаруживающих определенные черты сходства в керамическом и кремневом инвентаре и расположенных в широтном направлении, и есть локальное отражение этого тренда. При этом, учитывая диффузный характер распространения культурно-технологических традиций, можно объяснить локальные различия, формально не позволяющие объединять рассматриваемые материалы в одну культуру.

Положения, содержащиеся в настоящей работе, изложены в плане постановки проблемы. Её решение во многом зависит от дальнейшего расширения базы качественных источников, детального изучения уже имеющихся материалов, привлечения данных естественных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вискалин А. В., 2003. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) (итоги предварительного изучения) // Археология восточноевропейской лесостепи: Пенза, с. 41—57.

Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В., 2006. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, с. 107—120.

Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В., Челябинов В. П., 2004. Ранний комплекс поселения Городок I на р. Ранова в Рязанской области // Исторические исследования. Вып. 5. Самара, с. 162—193.

Гонозов А. В. 2004. Стоянка Старое Щербинино 15 — новый памятник эпохи неолита бассейна Нижней Оки // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Ниж. Новгород, с. 49—70.

Долуханов П. М., 2003. Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., с. 193—206.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. 312 с.

Ковалюх Н., Скрипкин В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтиляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. СПб., с. 120—126.

Ластовский А. А., 2006. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, с. 107—113.

Ставицкий В. В., 1999. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 196 с.

Сурков А. В., 2004. Неолитическая стоянка Плаутино I в лесостепном Похоперье // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, с. 35—47.

Шукуров А. М., Дэвисон К., Сарсон Г. Р., Долуханов П. М., Зайцева Г. И. Множественность источников европейского неолита // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. СПб., с. 172—184.